

КРИТИКА.

„Сочинения Константина Сергѣевича Аксакова“. Томъ I. Редакція и примѣчанія Е. А. Ляцкого. Издательство „Огня“. 1915. Стр. VІІІ+656.

„Произведенія Константина Сергѣевича Аксакова, собранныя въ настоящемъ томѣ, говорятъ въ предисловіи ихъ издатели, ищутъ читателя-друга. Къ нимъ нельзя подходить ни съ равнодушіемъ скептика, ни съ критической требовательностью, воспитанной на классическихъ образцахъ... Все, что есть цѣннаго въ произведеніяхъ Константина Аксакова, прекрасно и цѣнно прежде всего потому, что оно неотдѣлимо отъ личности ихъ творца. Если духовный обликъ его встаетъ передъ вами, если вы видите его горячіе глаза, слышите его страстную, всегда правдивую рѣчь, если обаяніе его благороднаго сердца овладѣваетъ вами, вы любовно примете каждую строчку его твореній... Но если на историческомъ портретѣ Константина Аксакова для васъ потускнѣли краски, если вы захотите провести грань между его образомъ и его твореніями, отвлекаясь отъ ихъ исторической полновѣсности, вы не подмѣтите въ его творчествѣ многихъ поэтическихъ очарованій; мѣстами оно покажется вамъ отжившимъ, словно вывѣтрившимся за протекшіе годы (стр. V)“.

Мы вполне соглашаемся съ этими словами предисловія, но лишь постольку, поскольку они относятся къ художественнымъ произведеніямъ Константина Аксакова, которыя одни только и собраны въ настоящемъ томѣ; что же касается его научныхъ и публицистическихъ работъ, которыя, надо надѣяться, войдутъ въ слѣдующіе томы этого новаго изданія, то онѣ въ такой оговоркѣ безусловно не нуждаются. Тамъ передъ нами уже не тотъ вѣчный юноша, какимъ выступаетъ К. А. въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ,

но зрѣлый мужъ, защитникъ и проповѣдникъ одной изъ величайшихъ идей,—идеи русскаго религіознаго и—вытекающаго изъ него—историческаго мессіонизма. Въ своей собственно славянофильской дѣятельности Константинъ Аксаковъ уже не взываетъ къ другу, не проситъ у него снисходительнаго и ласковаго вниманія, какъ здѣсь, къ этимъ его горячимъ, искреннимъ, но въ художественномъ отношеніи дѣйствительно слабымъ творческимъ попыткамъ: тамъ онъ, напротивъ, подобно сказочному богатырю, смѣло вызываетъ всякаго, кто хотѣлъ бы съ нимъ помѣряться силами, а читателю-другу остается хотя и съ затаеннымъ, но уже строго объективнымъ вниманіемъ слѣдить за ходомъ этой борьбы. Мы будемъ съ нетерпѣніемъ ждать выхода въ свѣтъ тѣхъ томовъ сочиненій К. А., гдѣ изображена эта борьба, тѣмъ болѣе, что первое ихъ изданіе уже составляетъ библиографическую рѣдкость. Но сейчасъ передъ нами не боецъ, а баянъ, только воспѣвающій подвиги, притомъ далеко не эпическимъ складомъ, и потому наша опѣнка направлена не на содержаніе даннаго тома, которое можетъ быть подвергнуто лишь имманентной и субъективной критикѣ, а лишь на характеръ самаго изданія.

Съ этой стороны, по отношенію къ настоящему изданію слѣдуетъ замѣтить, что хотя удовольствіе, испытываемое каждый разъ, когда какой нибудь тенденціозно забытый славянофильскій документъ появляется на свѣтъ, всегда перевѣшиваетъ желаніе критиковать, тѣмъ не менѣе необходимо, въ виду возможныхъ—болѣе чѣмъ возможныхъ—нападеній быть тщательными въ дѣлѣ изданія даже и малозначительныхъ славянофильскихъ памятниковъ. Между тѣмъ что то роковое преслѣдуетъ въ этомъ смыслѣ издателей славянофильскихъ сочиненій. Причина тому несомнѣнно въ недостаточномъ нашемъ вниманіи, недостаточной чуткости къ конкретной личности каждаго въ отдѣльности славянофила; у насъ даже искренніе поклонники славянофиловъ думаютъ, что у послѣднихъ нѣтъ строго опредѣленныхъ характеровъ, и что „Аксаковъ“, „Хомяковъ“ и т. д.—лишь разныя названія для одного общаго понятія „славянофилъ“, или, еще шире,—„хорошій русскій человекъ“. По крайней мѣрѣ только этимъ можно объяснить промахи, сопровождающіе славянофильскія изданія. Думается, что лишь благодаря

неясному представленію каждаго въ отдѣльности славянофильскаго лица, богатаго въ своей индивидуальности не менѣе, чѣмъ въ своей обще-славянофильской глубинѣ, можно было включить въ собраніе сочиненій Ивана Аксакова статью Гилярова-Платонова, или въ сочиненія Ивана Кирѣевскаго письма Юрія Самарина къ А. Н. Попову, притомъ слитыя въ одну статью ¹⁾. Въ настоящемъ изданіи такой очередной lapsus—стихотвореніе „Старый рыцарь“ (стр. 30—31), приписанное издателями Константину Сергѣевичу Аксакову и принадлежащее Василию Андреевичу Жуковскому.

Несомнѣнно однако, что издатели будутъ возражать противъ обвиненія ихъ въ незнаніи личности К. Аксакова, ссылаясь хотя бы на ту бѣглую, но дѣйствительно живую его характеристику, какая дана въ предисловіи, вслѣдъ за вышеприведенными словами. Но тогда, значить, указанная ошибка произошла вслѣдствіе спѣшности издательской работы?—Здѣсь, конечно, издатели находятъ извиненіе въ желаніи опубликовать цѣнные документы возможно скорѣе, именно въ теперешнее, критическое для русскаго дѣла время. Быть можетъ недалекъ уже часъ нашей бранной побѣды: нужно спѣшить съ воспитаніемъ побѣдителей. Оно возможно, конечно, лишь въ славянофильской школѣ, и спасибо всякому, кто спѣшитъ распахнуть въ нее двери; однако и здѣсь нужна все же большая осторожность, такъ какъ души, стре-

¹⁾ Последнее—въ изданіи М. Гершензона. М. 1911. Т. 2, стр. 291—296. Что же касается сочиненій Ив. Аксакова, то тамъ ошибка издателей (къ тому же отмѣченная ими самими) не такъ велика. По крайней мѣрѣ въ своемъ письмѣ къ князю Шаховскому—вдумчивому и тонкому изслѣдователю вопросовъ русской жизни и мысли, такъ трагически погибшему при взрывѣ дачи Столыпина—самъ Гиляровъ-Платоновъ говоритъ слѣдующее: „Аксаковъ началъ издавать „Москву“ и предложилъ мнѣ писать руководящія статьи съ неограниченною властью... Немногіе знали даже, что нѣкоторыя изъ самыхъ серьезнѣйшихъ передовицъ принадлежатъ мнѣ („Русскій Архивъ“. 1889, кн. 3-я, стр. 268, письмо отъ 2 февраля 1886 г.).“ Но, съ другой стороны самъ адресатъ—князь Шаховскій, въ своей статьѣ: „Изъ приготовительныхъ работъ по биографіи Гилярова (тамъ же, 1893 г., кн. 2-я, стр. 429 и 430),“ даетъ точный и вѣрный масштабъ для различенія руки И. Аксакова отъ руки Гилярова („Слово Аксакова съ благородной страстью, Гилярова съ убѣжденіемъ“; И. Аксаковъ сперва прямолинейно честенъ и потомъ уже уменъ, Гиляровъ—наоборотъ; Аксаковъ въ значительной степени человекъ школы, Гиляровъ болѣе независимъ и самобытенъ, и т. под.).

мящаяся въ нее, по большей части—все молодая, и суетливая поспѣшность въ дѣлѣ ихъ воспитанія—вещь опасная.

Но еще хуже то, что издатели, повидимому, нимало не печалются о томъ, что дѣло изданія поставлено нѣсколько небрежно. Такъ, приведя на стр. 125—128 стихи К. А., которымъ, сообразно ихъ датамъ, полагалось быть напечатанными гораздо выше, т. к. стихотворенія К. А. расположены въ настоящемъ томѣ хронологически, они сопровождаютъ ихъ такимъ примѣчаніемъ: „Принадлежность ихъ Аксакову доказывается тѣмъ, что отрывки ихъ помѣщены въ его неоконченной повѣсти „Сцены изъ современной жизни“... Въ настоящемъ изданіи (эти стихи) напечатаны въ видѣ дополненія къ стихотвореніямъ Аксакова въ виду того, что принадлежность ихъ ему выяснилась уже послѣ отпечатанія первыхъ 7 листовъ текста (стр. 648)“.—Другими словами, приступая къ изданію сочиненій К. Аксакова, издатели не позаботились предварительно прочесть ихъ въ рукописи и просматривали послѣднія лишь передъ самымъ печатаніемъ соответствующихъ отдѣловъ. Это показываетъ, конечно, что кто-то уже до издателей держалъ эти рукописи въ такомъ порядкѣ, что ихъ можно было рискнуть печатать безъ предварительной провѣрки, однако рискъ вѣдь всегда остается рискомъ, и славянофильство, выразившееся въ слѣпомъ довѣрїи хотя бы и къ завѣдомо славянофильскому архиву,—есть дурное славянофильство. Въ этомъ смыслѣ издателямъ было бы полезно вспомнить, что даже Иванъ Аксаковъ, нѣкогда главный хранитель и первый издатель архива своего брата, описью котораго пользовались и новые издатели (см. напр. примѣч. къ стр. 270), самъ не всегда умѣлъ разыскать въ немъ нужный документъ. Такъ, въ своемъ „Очеркѣ семейнаго быта Аксаковыхъ“, приложенномъ къ первому тому его переписки, онъ приводитъ начало стихотворенія брата Константина, гдѣ тотъ описываетъ свой дѣтскій сонъ-видѣніе—Красную площадь и Минина въ цѣпяхъ. И вотъ оказывается, что эта строчка („Нѣтъ! Мечта не приснилась...“) не провѣрена имъ по рукописи, хотя послѣдняя имѣется въ его архивѣ. Н. М. Павловъ дѣлаетъ къ ней такое замѣчаніе: „Такъ какъ этотъ стихъ очевидно испорченъ (въ немъ нѣтъ даже размѣра), при томъ онъ оборванъ лаконическимъ и проч.: то разумѣется это мѣсто подлежало исправленію.

Благодаря тому, что всѣ бумаги, относящіяся до біографіи Константина Сергѣевича, свято сохранялись Иваномъ Сергѣевичемъ, является возможность возстановить этотъ стихъ въ первоначальномъ его видѣ". И далѣе приводятся самыя стихи:

„Нѣтъ! мечта не измѣнилась,
А по прежнему жива
Съ той поры, когда мнѣ снилась
Семилѣтнему Москва.
Срокъ мой кратокъ или длиненъ,
Образъ вѣзанъ вѣщимъ сномъ:
Площадь Красная и Мининъ
Весь въ дѣпяхъ передъ Кремлемъ“.²⁾

Такимъ образомъ, посторонній человѣкъ нашелъ въ архивѣ Аксаковыхъ рукопись, которую или не зналъ, или, вѣрнѣе, въ которую не заглянулъ Н. Аксаковъ, когда писалъ свои, къ сожалѣнію, краткія и неоконченныя воспоминанія. Думается, что новые издатели могли бы вывести отсюда то назиданіе, что недостаточно имѣть подъ руками хорошій архивъ, но нужно еще внимательно въ немъ разбираться, и что простительное въ бѣглои замѣткѣ неизвинительно въ „собраніи сочиненій“. Но, къ сожалѣнію, издателямъ неизвѣстна ни статья Павлова, ни приведенное въ ней стихотвореніе Константина Аксакова.

Къ разряду такихъ же издательскихъ промаховъ относятся и сравнительно многочисленныя погрѣшности, зависящія, повидимому, отъ недостаточно внимательнаго чтенія самыхъ авторскихъ рукописей, а не простыхъ (хотя тоже очень странныя) опечатки. Къ числу ихъ относятся „Ганнибалы“, получившіеся изъ Шиллеровскихъ „Kannibalen“, въ стихотвореніи „Радость“ (стр. 155), переведенномъ К. Аксаковымъ, и Θεмида, вмѣсто Фетида, въ переводномъ же стихотвореніи „Вечеръ“ (стр. 156). Вѣроятно благодаря такой же невнимательности въ другихъ переводныхъ стихотвореніяхъ измѣнены по сравненію съ подлинникомъ мѣстоименія: „меня“, вмѣсто „тебя“ (стр. 129, 3-я строфа), „имъ“, вмѣсто „намъ“ (стр. 149, стих. „Тайна“, 3-я строфа).

Въ переводѣ „Утреннихъ жалобъ“ Гете, написанныхъ пя-

²⁾ „Русскій Архивъ“. 1888. Кн. 3. Стр. 163—164. Н. М. Павловъ „Дѣтскій сонъ К. С. Аксакова“.

тистопнымъ хореемъ, въ стихѣ: „Но не могъ я, какъ отъ милой...“ (стр. 131, 4-я строка снизу) не хватаетъ слога, что врядь ли могъ допустить музыкальный Аксаковъ. То же самое въ стихотвореніи: „О, Боже, въ страшный день позора...“, гдѣ послѣдняя строка въ 4-й строкѣ не отвѣчаетъ ритму пѣлаго (стр. 107).—Посланіе къ Н. Д. Свербееву (стр. 65—68) преслѣдуетъ какое-то несчастье: въ 15-й строкѣ строка: „И улыбается свобода“ стоитъ не на мѣстѣ, а въ приложеніи къ „Воспоминаніямъ студентства“ К. Аксакова, изданнымъ въ 1911 году подъ наблюденіемъ того же г. Ляцкого, она вовсе отсутствуетъ. Повидимому, она отсутствуетъ и въ рукописи и здѣсь является какъ попытка интерполяціи; но тогда это надо было бы оговорить. Въ стихотвореніи: „Свѣтильникъ чистый просвѣщенья...“ остаются безъ рیمъ цѣлыхъ двѣ строки:

„И дружно мы стеклись сюда
Съ краевъ Россіи необъятной“...

Въ большинствѣ переводныхъ стихотвореній разбивка на строфы не соотвѣтствуетъ подлинникамъ. Въ гимнѣ Шиллера „Радость“, на примѣръ, не выдѣлены хоры; но возможно, что въ этомъ вина самого переводчика.—Французское стихотвореніе, на стр. 21, К. Аксакову *безусловно не принадлежитъ*.

Вѣроятно при болѣе внимательномъ анализѣ найдется и еще много подобныхъ же издательскихъ промаховъ, но они, конечно, въ значительной степени неизбѣжны при изданіи тома чуть не въ 700 страницъ. Къ тому же, судя по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, почеркъ К. Аксакова долженъ быть крайне неразборчивымъ, что, конечно, должно сильно затруднять работу издателей. По крайней мѣрѣ Бѣлинскій, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ К. А., говоритъ, что послѣдній пишетъ „не буквами, а гіероглифами и при томъ самыми неразборчивыми“, а въ другомъ—сообщаетъ про его рукопись, что „ни одинъ наборщикъ не въ состояніи разобрать въ ней ни единой буквы“³⁾. О томъ же говорятъ и сами

³⁾ Письма В. Г. Бѣлинскаго къ К. С. Аксакову. „Русь“ 1881, № 8, стр. 16. письмо 3-е и стр. 17, п. 4-е. Ср. собственное свидѣтельство К. А. въ письмѣ къ Н. С. Соханской 1860 года. „Русское Обозрѣніе“. 1897 г., мартъ. стр. 150.

издатели въ примѣчаніи къ отрывку „Отвлеченные люди“ (стр. 652).

Что касается дальѣ полноты изданія, то, кромѣ уже приведеннаго выше „Сна“, нами замѣченъ пропускъ еще двухъ небольшихъ стихотвореній, незначительныхъ въ смыслѣ художественномъ, но очень характерныхъ для Константина Аксакова; оба они были уже напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“, но остались неизвѣстными новымъ издателямъ. Одно изъ нихъ относится къ Екатеринѣ Великой и свидѣтельствуетъ о неумѣренно пылкихъ патріотическихъ чувствахъ автора, вѣроятно еще очень юнаго въ то время:

„Была пора, Екатерининъ вѣкъ,
Сей маскарадъ, сей вѣкъ мишурной славы.
Преображенъ былъ Русскій человекъ
Въ чужой костюмъ заемно-величавый.
Въ тотъ славный вѣкъ все лгало безъ стыда,
Звалась царицей иновемка,
Холстинные стояли города,
И Русскою прикидывалась Нѣмка“. 4)

Другое изъ пропущенныхъ стихотвореній тоже саркастическое, но уже по отношенію къ высшему свѣту. Это экспромтъ, написанный по случаю невольной суточной остановки гр. Антонины Дм. Блудовой на станціи „Черныя Грязи“, гдѣ у ея экипажа произошла поломка. Не привыкшая быть безъ общества (хотя съ нею былъ ея отецъ) она послала въ Москву нарочнаго къ тамошнимъ друзьямъ съ приглашеніемъ развлечь ее въ ея скукѣ. Приглашая туда одного изъ своихъ пріятелей Константинъ Аксаковъ въ свою очередь писалъ:

„Слѣши рукой заботной
Поднять цвѣтокъ болотной.
Сломается карета,
Въ бѣдѣ Антоанета.
Не помогли имъ связи,
Увязли въ Черной Грязи
Живущіе въ грязи“. 5)

Приведа настоящее стихотвореніе Н. М. Павловъ замѣ-

4) „Русск. Арх.“ 1912, кн. 3, стр. 296, и ранѣе—съ ошибками—1915, кн. 3, стр. 561, примѣчаніе П. Б. къ „Путевымъ письмамъ Н. М. Лонгинова“.

5) Тамъ же. 1896 г., кн. I-я, стр. 148, примѣчаніе Н. М. Павлова къ „Перепискѣ А. О. Смирновой съ Аксаковыми“.

часть: „Жаль что до сихъ поръ не собраны, стихотворенія К. С. Аксакова“! Но вотъ теперь они собраны, и, тѣмъ не менѣе, приведенное стихотвореніе въ ихъ число не попало.

Если такъ обстоитъ дѣло съ уже напечатанными произведениями, то вѣроятно еще больше промаховъ допущено въ отношеніи къ полнотѣ рукописнаго наслѣдія. Гдѣ, напримеръ, стихотвореніе К. Аксакова: „An die Idee“, съ эпиграфомъ: „Es existirt nichts, als Idee,“ посвященное другу молодости Ю. Θ. Самарину, о которомъ говоритъ самъ К. Аксаковъ въ своемъ письмѣ къ П. С. Тургеневу? ⁶⁾ Изъ какого также стихотворенія взяты (впрочемъ, очевидно въ испорченномъ видѣ) два стиха К. А., приводимые его отцомъ въ одномъ изъ его писемъ къ А. О. Смирновой:

„Событій полны времена,
И слышенъ шагъ Исторіи“.. ⁷⁾

На всѣ подобные вопросы мы въ изданномъ томѣ отвѣтовъ не находимъ: будемъ надѣяться, что они будутъ даны—хоть и съ запозданіемъ—въ слѣдующихъ томахъ.

Сдѣлаемъ теперь нѣсколько замѣчаній по вопросу о тѣхъ принципахъ, какія, повидимому, положены въ основу настоящаго изданія. Если мы не ошибаемся, издатели имѣютъ въ виду дать лишь по возможности критически провѣренное, но по существу совершенно сырое собраніе сочиненій К. Аксакова, ограничиваясь въ сферѣ примѣчаній лишь самыми необходимыми библиографическими справками. Думается, что ничего нельзя имѣть противъ такого порядка: хорошей біографіи К. А. еще не существуетъ, если же начать говорить объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ появленіе cadaго его произведенія, то собраніе сочиненій грозитъ, при полномъ отсутствіи у насъ сжатаго учебника по славянофильству и по невозможной тенденціозности всѣхъ имѣющихся руководствъ по исторіи русскихъ общественныхъ движеній, вырости во чтонибудь подобное „Жизни и трудамъ Погоди-

⁶⁾ „Русское Обзоріе“. 1894 г., т. 30, стр. 587. Письмо отъ 18 іюля 1856 г. То же—П. Аксаковъ, въ предисловіи къ письмамъ Хомякова къ Самарину, въ 8 томѣ сочиненій Хомякова.

⁷⁾ Письмо отъ 15 ноября 1854 года. „Русск. Арх.“ 1896, кн. 1-я, стр. 157. Сама Смирнова относитъ ихъ къ 1848 году. См. ея письмо къ Гоголю: тамъ же, 1897 годъ, кн. 3, стр. 129.

на". Но, думается все же, что между многотомнымъ „Погодинымъ“ и настоящимъ изданіемъ Аксакова возможно и нѣчто среднее: мы имѣемъ въ виду хотя бы собраніе сочиненій Юрія Самарина. Въ немъ проведена удивительно удачно эта граница между чистой біографіей и чистымъ собраніемъ сочиненій: въ многочисленныхъ примѣчаніяхъ и вводныхъ статьяхъ въ этомъ изданіи дано все необходимое для того, чтобы образъ издаваемого автора могъ встать передъ читателемъ съ достаточной ясностью, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ни одна изъ этихъ пояснительныхъ замѣтокъ не переходитъ предѣла, положеннаго для подстрочныхъ примѣчаній при издаваемыхъ матеріалахъ, какъ это, на примѣръ, случилось съ венгеровскимъ изданіемъ Бѣлинскаго. Правда, для этого требуется большая работа, и это страшно замедляетъ изданіе, но зато мы въ этомъ собраніи сочиненій имѣемъ, со стороны такъ сказать архитектурической, образецъ для всѣхъ послѣдующихъ подобныхъ изданій; а если бы издатели были менѣе строги въ отборѣ матеріала, и вмѣсто „Сочиненій Ю. Ѳ. Самарина“ дали „Полное“ ихъ собраніе, то мы имѣли бы передъ собою буквально издательскій канонъ. Думается, что и для изданія К. Аксакова нельзя было бы придумать лучшаго образца, между тѣмъ издатели ему не слѣдуютъ. Сокращая до минимума текстъ примѣчаній, они все же не выдерживаютъ архитектурники цѣлаго: наряду съ краткими бібліографическими замѣтками приводятся весьма пространные „сопроводительные адреса“ Бѣлинскаго, заявляющаго со свойственной ему развязностью: „увѣдомляемъ почтеннѣйшую публику, что одинъ молодой человѣкъ (т. е. К. А.) съ необыкновеннымъ поэтическимъ дарованіемъ оканчиваетъ, въ часы досуга, большую романтическую трагедію и т. д. (стр. 650, примѣч. къ стр. 187—191)“, или—„увѣдомляемъ почтеннѣйшую публику, что молодой поэтъ нашъ оставилъ кивжалъ Мельпомены и взялся за лиру... мы пророчимъ нашему скромному и юному поэту, что онъ непремѣнно займетъ первое мѣсто между нынѣшними лирическими знаменитостями...“ (ib.—къ стр. 12)“. Такими и многими еще болѣе балаганными выходками, тщательно собранными въ изданномъ томѣ, покровительственно сопровождалъ 25-лѣтній Бѣлинскій нѣкоторыя изъ поэтическихъ произведеній Константина Аксакова. Вѣроятно въ виду этого издатели и помѣстили ихъ здѣсь,

какъ продолженіе „библіографіи“, но право же лучше было бы рассказать, что нибудь о самомъ Аксаковѣ, чѣмъ помѣщать эти мальчишескія выходки, поистинѣ „не истоваго“ Виссаріона.

Съ другой стороны, есть родъ примѣчаній, который хотя повидимому и не совпадаетъ съ понятіемъ библіографической справки, однако по существу дѣла тѣсно примыкаетъ къ ней. Къ ихъ числу, по нашему мнѣнію, относятся, во первыхъ, краткія свѣдѣнія о тѣхъ лицахъ, къ которымъ адресованы, или которымъ посвящены извѣстныя произведенія издаваемаго автора, и, во вторыхъ, хотя бы проблематическія указанія и соображенія, кого изъ болѣе или менѣе извѣстныхъ историческихъ лицъ изобразилъ авторъ подъ видомъ того или иного изъ персонажей своихъ художественныхъ произведеній. Тотъ и другой родъ историческихъ справокъ, думается намъ, долженъ значительно повысить интересъ, вызываемый чтеніемъ произведеній давняго автора, тѣмъ, что вводитъ читателя въ обстановку той исторической эпохи, когда эти произведенія были написаны. Однако новое изданіе сочиненій Константина Аксакова выходитъ безъ такого рода примѣчаній, между тѣмъ даже при бѣгломъ чтеніи многія изъ дѣйствующихъ лицъ въ разсказахъ К. Аксакова оживаютъ и готовы скинуть надѣтыя на нихъ художественныя маски, но читатель тщетно ждетъ въ этомъ направленіи помощи отъ издателей. Черноволосый *Хорьковъ* въ „Сценахъ изъ современной жизни“, конечно не кто иной, какъ тоже скромный съ виду, но только не хищникъ, а истребитель западническихъ посявовъ—*Хомяковъ*. *Владиміръ*, въ тѣхъ же сценахъ, конечно самъ *Константинъ* Аксаковъ, а его другъ *Александръ*, благороднымъ сочетаніемъ свѣтской любезности и глубокой внутренней серьезности, очень напоминаетъ молодого *Юрія Самарина*—дѣйствительнаго друга К. Аксакова, какимъ онъ рисуется въ воспоминаніяхъ о немъ его современниковъ⁶⁾. Княжна Ольга *Верейская* (на стр. 304, названная почему то Воротынской)—романтической кумиръ *Владимира - Константина*—вѣроятно *Свербеева*, одно

⁶⁾ Напримѣръ въ „Запискахъ А. О. Смирновой“, СПБ. 1897, ч. 2-я, стр. 53, примѣчаніе 2-е, въ концѣ, или въ воспоминаніяхъ В. Давыдова—„Самаринъ—ополченецъ“. „Русскій Архивъ“. 1877. Книга 2-я, стр. 43.

время истинный кумиръ подлиннаго К. Аксакова⁹⁾ (вымышленное имя, какъ легко видѣть, нѣсколько и созвучно дѣйствительному). Было бы интересно раскрыть и другіе псевдонимы, но для этого нужна тщательная работа, которую однако должны были бы начать еще сами издатели: по нашему глубокому убѣжденію они здѣсь не вышли бы изъ намѣченной ими программы, давать лишь потребно нужное для читателей. Или, можетъ быть, владѣющіе ключами къ рукописнымъ подлинникамъ Константина Аксакова дадутъ намъ, рано или поздно, и подлинную его біографію? Тогда естественно отпадетъ большая часть тѣхъ замѣчаній, какія мы считали себя въ правѣ высказать по поводу настоящаго, повторяемъ,—драгоцѣннаго для русскаго дѣла изданія. Хорошая, подробная біографія К. Аксакова съ избыткомъ покроетъ всѣ эти мелкіе недочеты. Если же издатели не имѣютъ ее въ виду тогда слѣдовало бы быть болѣе щедрыми на примѣчанія. Впрочемъ, издатели общаются нѣчто не менѣе драгоцѣнное—письма К. Аксакова¹⁰⁾. Это—какъ бы родъ автопримѣчаній, и конечно они тоже съ избыткомъ искупаютъ біографическую неполноту настоящаго собранія сочиненій.

Обращаясь теперь, послѣ этихъ краткихъ замѣчаній, касающихся издательской стороны дѣла, непосредственно къ изданнымъ художественнымъ произведеніямъ Константина Аксакова мы отмѣтимъ въ нихъ лишь то, что привлекло наше вниманіе, не входя вовсе, какъ мы уже сказали, въ подробную критическую оцѣнку ихъ, ибо иначе мы рискуемъ сойти съ принятой нами въ самомъ началѣ позиціи читателя-друга. Но съ другой стороны, мы вовсе не намѣрены быть простыми зазываетелями даже и въ этотъ своего рода славянофильскій ларекъ, подобно Бѣлинскому: вѣдь и въ ларекъ могутъ найтись вещи нужныя и въ серьезномъ дѣлѣ, особенно при недостаткѣ большихъ славянофильскихъ предпріятій. Думается, напримѣръ, что къ разряду такихъ полезныхъ во всякомъ славянофильскомъ дѣлѣ вещей относятся хотя бы тѣ мѣста

⁹⁾ См. В. Шенрокъ. „С. Т. Аксаковъ и его семья“. „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1904, ноябрь, стр. 41—42.

¹⁰⁾ См. въ томъ же изданіи „Дневникъ В. С. Аксаковой“. СПб. 1913. Стр. 49, примѣчаніе 1-е, гдѣ содержится это общаніе.

въ художественныхъ произведеніяхъ Константина Аксакова, гдѣ онъ говоритъ о модной въ то время—и можетъ быть вѣчной на извѣстной ступени интеллигентности—болѣзни—преобладаніи рефлексіи надъ дѣятельностью; и говоритъ притомъ о ней не отъ слуха, а отъ опыта, что кажется страннымъ по отношенію къ К. Аксакову. Самый непосредственный изъ славянофиловъ, у котораго Вѣлинскій усматривалъ наличность какого то „врожденнаго китайскаго элемента“¹¹⁾, подъ которымъ онъ разумѣлъ его „стихійное славянофильство“,—этотъ самый вѣчный ребенокъ, оказывается, зналъ всѣ искушенія отвлеченнаго разума. Объ этомъ онъ говоритъ откровенно во многихъ изъ своихъ юношескихъ произведеній. Но самоанализъ его, по нашему мнѣнію, идетъ глубже обычнаго: онъ различаетъ между анализомъ-спортомъ и анализомъ-исповѣдью. Въ отрывкѣ „Отвлеченные люди“ нѣкая Елена, представительница здороваго отношенія къ собственной душѣ, говоритъ одному изъ такихъ спортсменовъ рефлексіи: „Къ чему наводить зеркало на всякое свое чувство? Въ этомъ то вся и ошибка. Стоитъ только начать разбирать, есть ли во мнѣ чувство,—чувства и не будетъ. Знаете-ли: когда хочешь заснуть въ долгую бессонную ночь, когда, наконецъ, сонъ приходитъ къ вамъ, и когда скажешь себѣ: я засыпаю,—сонъ вмигъ отлетаетъ; а заснете вы, когда объ этомъ не думаете. Вотъ вамъ мой добрый совѣтъ... не ройтесь въ душу своей, не смотрите постоянно въ себя. *Это вовсе не тотъ строгій судъ, которому каждый человекъ долженъ подвергать себя. Вы допытываетесь въ себя прежде чѣмъ что нибудь въ васъ явилось. Знаете ли: это эгоизмъ, только совершенно въ обратномъ видѣ...* Но жить безсознательно..., робко возражаетъ научаемый: собесѣдница на мгновеніе смущена: я женщина, и, можетъ быть, это меня спасаетъ отъ состоянія, въ которое впали вы... Нѣтъ, нѣтъ, спохватывается она, есть свѣтлое, полное разумѣніе души, всего существа нашего; чувство не теряется, но еще сильнѣе и свѣтлѣе становится. Тогда и любишь, и понимаешь, и все находится въ стройномъ созвучіи, въ блаженной, высокой гармоніи... (стр. 586, курсивъ нашъ. О. А.)“.

Въ такомъ родѣ можно найти много интересныхъ стра-

¹¹⁾ См. И. Пачаевъ. „Литературныя воспоминанія“. СПб. 1876. Стр. 202.

ницъ у Константина Аксакова, и мы смѣло выдѣляемъ ихъ изъ числа тѣхъ, которыя ждуть только читателя-друга: при всей ихъ внѣшней наивности онѣ достаточно полновѣсны теоретически для того, чтобы имѣть право на вниманіе и широкой публики. Могутъ сослужить свою службу въ этомъ смыслѣ и тѣ остроумныя сатиры, которыхъ достаточно въ настоящемъ томѣ (имѣемъ въ виду въ особенности „Олега“ и „Князя Луповицкаго“, первый къ тому же написанъ очень недурными стихами). Въ этихъ юмористическихъ произведеніяхъ выступаетъ еще разъ все тотъ же здравый славянофильскій умъ, чуждый всякихъ крайностей въ дѣлѣ насажденія своихъ великихъ идей, гораздо тоньше своихъ противниковъ угадывавшій возможность искаженія его для большинства общества новыхъ завѣтовъ ¹²⁾.

Наконецъ, что касается стороны собственно художественной, то и здѣсь дѣло обстоитъ не такъ ужъ плохо. Есть правда стихи просто ужасные, вродѣ „Путешествія на Риги“, но есть и отличные переводы изъ Гете (особенно „Утреннія жалобы“ и „Посѣщеніе“), Шиллера, Вецеля. Есть очень плохія рѣзмы, но есть и недурныя аллитераціи („волна—целенахъ“, „вѣть—скорѣ“). Пентаметры Гете переведены плохими и неполными гекзаметрами, причемъ выпала цѣлая фраза подлинника, и выдержанъ такой трудный для перевода размѣръ, какъ въ „Коринѣской невѣстѣ“.

Но больше всего подкупаютъ своей поэтической прелестью двѣ прозаическія поддѣлки подъ Гофмана: „Жизнь въ мечтѣ“ и „особенно „Облако“, съ чудной пѣсенкой дѣвушки-облака:

„...Смотри: какъ быстро другъ за другомъ
Летятъ и мчатся облака;
Тамъ, подъ небеснымъ полукругомъ
Ихъ жизнь привольна и легка.
.....
Но если въ ихъ груди ээирной
Забьется къ смертному любовь,
Они покинутъ край свой мирный.
Пріютъ безпечныхъ облаковъ“...

¹²⁾ Во всякомъ случаѣ Луповицкій гораздо болѣе злая сатира на славянофильство, чѣмъ, напримѣръ, Любозвоновъ въ „Одноворцѣ Овсяниковъ“ Тургенева. (О томъ, что подъ видомъ его послѣдній хотѣлъ вывести самого Константина Аксакова, см. „Письма Аксаковыхъ къ Тургеневу“. „Русское Обозрѣніе“. 1894, августъ, стр. 477).

Намъ только кажется, что хотя этотъ разсказъ печатается впервые по рукописи, стихи уже гдѣ то были приведены. Нѣтъ ли и здѣсь какойнибудь ошибки? Во всякомъ случаѣ намъ только хотѣлось сказать, что у Константина Аксакова и какъ поэта есть вещи достойныя не только дружескаго, но и всяческаго вниманія. Думается, какъ это ни странно, что именно самое славянофильское изъ его художественныхъ произведеній, помѣщенныхъ въ изданномъ томѣ—„Освобожденіе Москвы“ всего менѣе покажется интереснымъ широкой публикѣ. Эта длиннѣйшая патріотическая драма, правда, чуждая всякаго прекраснодушія и излагающая событія вполне объективно (грѣшить лишь въ характерахъ) врядъ ли будетъ дочитава къмънибудь изъ случайныхъ читателей. При полномъ отсутствіи романической завязки она въ сущности представляетъ собою отрывокъ изъ учебника по исторіи, со включеніемъ нѣкоторыхъ памятниковъ въ подлинникѣ. Для историка этого мало, для читателя скучно. Думается, что Погодинъ былъ правъ въ своей суровой оцѣнкѣ ея, когда говорилъ: „Въ сочиненіи мы не видимъ драмы, хотя она раздѣляется на дѣйствія... ее можно начать прежде и начать послѣ... сценъ можно исключить, и можно прибавить сколько угодно... Дѣйствующія или лучше говорящія лица всѣ одинаковы... иногда скажетъ первый, второй согласится; иногда скажетъ второй, первый согласится“¹³⁾.

„Сказка о Вадимѣ“—другая патріотическая вещь—интереснѣе, и какъ одна изъ очередныхъ попытокъ трактованія излюбленнаго у русскихъ писателей екатерининской и але-

¹³⁾ „Москвитянинъ“. 1848, № 5, „Критика“, стр. 27—28. Впрочемъ, что касается обвиненія въ отсутствіи характеровъ, то самъ К. А. возводилъ послѣднее въ принципъ своей драмы. „Здѣсь, говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ С. М. Великопольской, отнесшейся впрочемъ къ его драмѣ очень сочувственно, здѣсь жизнь является безъ всякой личности, безъ героя; здѣсь является смиреніе, а не гордость; здѣсь какъ и въ Русской жизни, люди Русскіе все относятъ къ Богу, а не къ себѣ. Драма моя не есть художественное произведеніе: здѣсь искусство только средство, чтобы начертать высокій строй жизни (жизни Русской До-Петровской), какой не поддается силѣ художественной („Русскій Архивъ“. 1904 г., кн. 2-я, стр. 451. письмо конца 1848 или начала 1849 года“). На этомъ же основаніи у него, при перечисленіи дѣйствующихъ лицъ, на первомъ мѣстѣ значится: „Народъ“.

ксандровской эпохи сюжета ¹⁴⁾, так и еще по одному случайному, но имѣющему быть кореннымъ поводомъ. Мы имѣемъ въ виду юмористическія описанія самого Вадима и его враговъ—варяговъ, а также и самую послѣдовательность событій. Короче говоря, въ этой шуткѣ можно найти многое близкое къ современной нашей и европейской трагедіи.

Такъ, первый и самый заклятый врагъ Вадима—*Усыня*. Онъ было собрался совсѣмъ задушить своими усами богатыря, но тотъ схватилъ его за одинъ усъ и просить показать, что тотъ способенъ сдѣлать съ другимъ: Усыня не прочь продемонстрировать свою гордость. Вотъ онъ „свилъ свой усъ въ кольцо и въ одно мгновеніе выпрямилъ его какъ палку, потомъ загнулъ его въ разныхъ направленіяхъ; потомъ растопырилъ его врозь, такъ что каждый волосокъ торчалъ самъ по себѣ; потомъ свилъ его веревкой, заплелъ сдѣлалъ петлю въ концѣ, раздѣлилъ на нѣсколько частей; каждая изъ нихъ завивалась и распрямлялась. При этомъ усъ шумѣлъ, какъ дерево (стр. 593)“. Но на этомъ собственно личные подвиги Усыни и кончились: Вадимъ отрубилъ ему усы и оставилъ его растить новые. Труднѣе пришлось Вадиму съ усыниной дружиной—варягами. „На полѣ стоялъ городокъ Варяжскій. Въ немъ была совершен-

¹⁴⁾ Вадимомъ много занимались въ семьѣ Аксаковыхъ осенью и зимой 1829 года. Объ этомъ свидѣлствуетъ Иванъ Сергѣевичъ въ своемъ „Очеркѣ семейнаго быта Аксаковыхъ“ („много возни бывало съ Вадимомъ, либретто котораго, взятое изъ извѣстной поэмы Жуковского, сочинено было, если не ошибаюсь, Шевыревымъ,—стр. 20)“. О томъ же говорится въ письмахъ Погодина къ Шевыреву, откуда видно также, что первый—неудачный—авторъ либретто былъ Верстовскій, а затѣмъ поэму изъ оперы передѣлывали въ мелодраму для Мочалова (см. письма отъ 26 и 30 сентября 1829 года.—„Русскій Архивъ“, 1882 г. кн. 3-я, стр. 112 и 115).—По этимъ письмамъ видно также, что въ то время Вадимъ исправлялъ обязанности „россійскаго Вильгельма Телля“, въ полную и сознательную параллель къ шиллеровскому, только что появившемуся тогда въ плохомъ переводѣ Раича. Константину Аксакову тогда было 12 лѣтъ: конечно, онъ былъ въ курсѣ всѣхъ этихъ дѣлъ, и добродушно-ласковая иронія, съ какой изображенъ имъ Вадимъ въ его сказкѣ, написанной въ зрѣлые годы,—слѣдъ сильнаго вліянія на него этого образа въ дѣтствѣ. (Дальнѣйшія свѣдѣнія о Вадимѣ даеетъ Г. Карасикъ: „Образъ Вадима въ русской литературѣ“. Сочин. Пушкина, изд. Брокг.-Ефр., т. 2, стр. 594—598, и проф. Д. Абрамовичъ, въ 1 т. „Полн. собр. сочин. Лермонтова“, „Академич. Библ. Русск. Писат.“, вып. 2-й, стр. 395—398).

ная тишина; на стѣнахъ и башняхъ не видать было ни одного человѣка. Но только что Славяне подошли близко, какъ вдругъ потемѣло солнце.—Туча нашла на солнышко,—заговорили Славяне и подняли головы. И точно: туча закрыла солнце и съ необыкновенною быстротою неслась не въ сторону, а опускалась прямо на землю.—Стрѣлы! крикнули Славяне. И цѣлые ряды ихъ легли, какъ скошенныя... (стр. 615)“. Отъ стрѣлъ „поле стало, какъ щетка“. Въ концѣ концовъ однако славяне одолѣли, и тутъ уже начинается славянское. „Стойте, Варяги!—крикнулъ Вадимъ бѣгущему неприятелю:—стойте! Что намъ бить васъ по пустому. Вы храбрый народъ. Ступайте во свояси, только ступайте скорѣй. Такъ ли, братья,—промолвилъ Вадимъ, обращаясь къ Славянамъ: отпустимъ мы ихъ.—Вѣстимо,—закричали Славяне единогласно:—намъ прогнать ихъ надобно, сломить ихъ силу, а перебить-то что за радость, зачѣмъ?“... „Мы дѣлаемъ вамъ милость, что уходимъ!—сказали Варяги и, закинувъ за спины щиты свои, они гордою поступью, медленными шагами стали удаляться... Вадимъ вздохнулъ, вложилъ въ ножны свой мечъ-кладенецъ и посмотрѣлъ вокругъ и съ отраднымъ и съ грустнымъ выраженіемъ въ лицѣ.—Ну, вотъ и опять Варяги прогнаны,—сказалъ онъ:—нельзя было не драться съ ними; а куда это дѣло не по душѣ. Добро чудищъ какихъ воевать; а тутъ своего брата человѣка бить. Ну, да это особь статья. Варяги прогнаны; вотъ въ чемъ дѣло.—Главное дѣло.—отвѣчали ему собравшіеся около него Славяне (стр. 617 и 618)“... Вотъ—картинка, поразительно близкая къ современности: и „Усыня“, и тучи „стрѣлъ“, которыми щеголяютъ „Варяги“, и побѣдоносное ихъ отступление, и, наконецъ, національно-славянская рефлексія, мало уступающая выше представленной интеллигентской, только, въ противоположность субъективизму послѣдней, болѣющая объективными вопросами. Впрочемъ, Вадимъ все таки почему-то немного грустенъ: не потому ли, что онъ боится за послѣдствія своего великодушія? Но тогда не лучше ли было бы, не губя зря души, позаботиться о томъ, чтобы лишить на будущее время надежной защиты варяжскія тѣла, прочно обезопасить Славянъ и вообще мирныхъ людей отъ возможности ихъ новаго разбойнаго нападенія? Сказочный Вадимъ немного ошибся на великодушій, но жизненная былъ тянется къ послѣднему.

болѣе надежному рѣшенію. Во всемъ же остальномъ да будетъ она похожа на сказку!..

Такъ обстоитъ, по нашему мнѣнію, дѣло въ новоизданномъ томѣ сочиненій Константина Аксакова со стороны вѣдшей издательской, со стороны художественной и въ смыслѣ интереса его для широкаго круга читателей. Но есть еще одинъ способъ оцѣнки, еще одинъ неиспытанный масштабъ. Онъ лежитъ внѣ запросовъ внѣшняго читательскаго интереса, онъ—уголъ зрѣнія тѣхъ, чья мысль занята вопросами болѣе мѣстными. Мы говоримъ о славянофилахъ, о томъ читатель-другѣ, котораго мы обошли при нашей „общечеловѣческой“ оцѣнкѣ заинтересовавшей насъ книги, хотя въ самомъ началѣ и утверждали, что послѣдняя имѣетъ въ виду именно его. Теперь мы хотимъ снова къ нему вернуться, уйти изъ большого читательнаго зала въ уютный славянофильскій кабинетъ. Но мы говоримъ не о теоретическомъ програмномъ славянофильствѣ (оно мѣстно въ томъ смыслѣ, что ему можно противопоставить рядъ аналогичныхъ ему умственныхъ теченій): мы говоримъ о славянофильской душѣ, о славянофильствѣ, какъ извѣстномъ духовномъ устройствѣ, по существу всегда природномъ, врожденномъ, хотя обнаруживающемся порою и поздно. Такое славянофильство мѣстно въ томъ же смыслѣ, въ какомъ оазисъ есть нѣчто мѣстное по сравненію съ окружающею его безводной пустыней. Съ такой мѣркой подходимъ мы теперь къ сочиненіямъ Константина Аксакова.

Съ основными тематическими звуками его большихъ славянофильскихъ произведеній мы, какъ уже сказано, отчетливѣе знакомимся по его позднѣйшимъ теоретическимъ писаніямъ: сейчасъ мы хотимъ прислушаться лишь къ тѣмъ обертонамъ, которыми такъ насыщены пѣсни его юности. Но изъ послѣднихъ мы выбрасываемъ все декоративное, програмное, даже, если угодно, забываемъ, что передъ нами славянофилъ: намъ нужны одни лишь эти обертоны, одна лишь его славянская душа.

Три вещи въ этомъ аксаковскомъ сборникѣ выгодно выдѣляются своей непосредственностью изъ массы остальныхъ болѣе или менѣе умышленныхъ произведеній. Это—„Русская легенда“ и уже отмѣченныя выше повѣсти. „Жизнь въ

мечтъ“ и „Облако“. Правда, кажется, будто у К. Аксакова есть стихотворенія болѣе безыскусственныя и наивныя, чѣмъ эти три, сравнительно съ ними художественно отдѣланныя произведенія. Однако такое впечатлѣнiе невѣрно: даже въ случаѣ большей интенсивности настроенія первыхъ нужно было-бы отдать предпочтенiе тѣмъ произведенiямъ, гдѣ извѣстное чувство болѣе длительно (и тогда мы снова пришли бы къ тѣмъ же тремъ поэмамъ), но и этого нѣтъ, и внимательный взглядъ легко отличить глубокую задушевность послѣднихъ отъ чувствительныхъ волненiй разныхъ „думъ“ и „сновъ“. Всѣ три написаны приблизительно въ одно время, когда К. Аксакову было 18—19 лѣтъ, и всѣ три разсказываютъ о чудесныхъ происшествiяхъ, повидимому различныхъ, но внутренне глубоко сродныхъ между собой. — Въ характерѣ этихъ чудесъ, въ томъ горячемъ юношескомъ вдохновенiи, которое играетъ въ ихъ повѣствователѣ, мы усматриваемъ одну изъ тайнъ славянофильской души. Эта тайна—въ своеобразномъ отношенiи этой души къ предметамъ ея глубокаго вниманiя и интереса. Чѣмъ же это славянофильское отношенiе отличается отъ обычнаго? Въ трехъ своихъ повѣстяхъ Константинъ Аксаковъ и вводитъ насъ постепенно въ познанiе этой тайны.

„Русская Легенда“ говоритъ о материнскомъ проклятiи и о его дѣйствии. Проклятаго сына не принимаетъ земля: онъ многiе годы остается въ могилѣ, какъ живой.

„Покойникъ свѣжъ въ гробу лежитъ:
Тлѣвъ къ тѣлу не касался,
Уста сомкнуты, взоръ закрытъ:
Какъ бы сейчасъ скончался“.

Старуха мать кается въ своемъ грѣхѣ и снимаетъ проклятiе:

„Во имя Господа Христа
И силой честнаго Креста,
Тебя, мой сынъ, прощаю
И вновь благословляю,—
И вдругъ разсыпался въ прахъ
При этомъ словѣ тѣло“...

„Жизнь въ мечтѣ“ начинается, напротивъ, не съ проклятiя, а съ самой слѣпой любви. Молодой художникъ Вальтеръ плѣненъ очами прекрасной Цецилии. Она „пристально

смотрѣла на него, и онъ, неподвижный, не могъ отвести глазъ отъ ея взора: казалось, онъ весь перелился въ зрѣніе; казалось; тамъ только сосредоточена вся жизнь его... ему стало страшно и грустно: передъ нимъ все подернулось туманомъ: ему, казалось, что онъ перешелъ въ глаза Цециліи, и что это чудный какой-то міръ; со всѣхъ сторонъ блещутъ искры: онъ плаваетъ въ какой-то черной влагѣ, плещется, играетъ ею и вдругъ исчезаетъ, и... тонетъ, тонетъ"...

—Красавица оказывается злой колдуньей: „я тебя ненавижу, говоритъ она, но ты мой. Ты меня не забудешь: не оторвать тебѣ отъ меня души своей—ты мой. Никогда не найти тебѣ пріюта: всѣ твои мысли погаснуть, окаменѣютъ всѣ твои чувства, всѣ мечты разсѣются. Ты любишь меня, ты полюбилъ меня на вѣки, и ненависть моя камнемъ ляжетъ на твоемъ сердцѣ—ты мой“. Однако, послѣднимъ усиліемъ воли ему удается освободиться отъ страшныхъ чаръ. Онъ чувствуетъ себя какъ бы очнувшимся отъ тяжелаго сна: „Свѣжій утренній вѣтерокъ повѣялъ ему на грудь: онъ ожилъ: передъ нимъ понеслись тихія, свѣтлыя мечты; онъ вспомнилъ прошедшее, но не Цецилію..., а свое дѣтство и мѣсто, гдѣ онъ провелъ его; ему видѣлись: аллея изъ акаціи, зеленый широкій дворъ, сельская церковъ; ему слышался стукъ мельницы; передъ нимъ растилался широкій прудъ; важно колыхаясь въ камышахъ своихъ, вилась быстрая рѣка, черезъ нее перекинутъ былъ мостикъ въ три дощечки шириною; вдали высилась гора (это было все мѣсто его родины)“. Борьба, впрочемъ, продолжалась и послѣ, но явилась и неожиданная помощь: нарисованная имъ во вдохновенную минуту три дѣвушки, гуляющія по полю, вдругъ ожили, „спрыгнули съ картины... сѣли возлѣ него; двѣ взяли его за руки, одна смотрѣла, улыбаясь, ему въ глаза. Вальтеру показалось, что онъ освободился отъ тоски своей... онъ вздохнулъ такъ глубоко, такъ отрадно... и взглянулъ на нихъ.—Вальтеръ здоровъ теперь, Вальтеръ счастливъ,—сказали всѣ онѣ вмѣстѣ и забили въ ладоши отъ радости"... Темная сила, однако, не хочетъ его оставить: Цецилія требуетъ у Вальтера уничтожить ненавистную ей картину, и онъ едва не падаетъ вновь, но новая любовь побѣждаетъ и теперь уже—навсегда.—Дѣвушки зовутъ его къ себѣ на картину: „Вальтеръ, поди, поди къ намъ!... Да, къ намъ,—

сказалъ Вальтеръ рѣшительно, схватилъ кисть, давно забытую и, сѣвши передъ картиною, началъ рисовать себя подлѣ трехъ дѣвушекъ... Оставалось одно послѣднее движеніе, одинъ послѣдній штрихъ; Вальтеръ уже совсѣмъ ослабѣвшій, собралъ оставшіяся силы, сдѣлалъ это послѣднее движеніе, и упалъ на кресла, мертвый: здѣсь лежало только тѣло его, а самъ онъ, весь полный жизни, стоялъ на картинѣ, окруженный тремя дѣвушками.

Третья повѣсть — „Облако“ — уже чуждо всякой борьбы враждующихъ силъ. Легкое облачко полюбило ребенка, надъ которымъ оно часто пролетало, когда тотъ игралъ на лугу. Получивъ позволеніе отъ своего отца—большого сѣдого облака, оно спустилось на землю, стало прекрасной блѣдной дѣвушкой, хранительницей этого ребенка въ годы его бурной юности. И только когда обнаружилась тайна ея происхожденія она должна была покинуть его. Однако слѣдъ ея пребыванія съ нимъ остался въ его душѣ навсегда: онъ уже не вернулся къ прежней разсѣянной жизни и скоро присоединился къ своему хранителю. „Мать его грустила о сынѣ, спрашивала его, но онъ ничего не могъ ей сказать... Она подмѣтила только, что онъ становился радостенъ при видѣ облака на небѣ, она даже замѣтила видъ этого облака, но не могла добиться отъ сына объясненій. Однажды, пришедши къ своему сыну, она нашла его мертвымъ, а по небу удалялись два легкія облачка“.

Вотъ—три граціозныя повѣсти молодого славянофила. Что же говорятъ они намъ по вопросу, поставленному выше, о томъ, какъ его славянофильская душа относится къ тому, что ее занимаетъ. И что собственно занимаетъ ее въ этихъ повѣстяхъ? Здѣсь, повидимому, нѣтъ еще вовсе славянофильства. Да, его нѣтъ какъ теоріи, но какъ путь къ исканію славянофильской правды, какъ методъ такого исканія славянофильство Константина Аксакова здѣсь на лицо.

Тремя различными способами относится душа къ тому, что для нея является предметомъ дѣйствія и размышленія: она или противопоставляетъ себѣ свой объектъ, или отождествляетъ его съ собою, или, наконецъ, устанавливаетъ нѣкоторое среднее гармоническое отношеніе. Душа можетъ проклинать, и тогда живое становится для нея цвѣтущимъ трупомъ, тогда бѣсы злобы трепещутъ, ибо не могутъ не

вѣрвать; душа можетъ потерять себя въ слѣпой страсти къ предмету своихъ вождельній, тогда нѣтъ живого отношенія, тогда сама душа мертва; но душа можетъ также, не теряя себя и не проклиная, направлять всю силу своей любви не въ сторону одинокого, мѣстнаго пристрастія, а къ душѣ ближняго своего. Тогда оживаютъ блѣдныя контуры образа ближняго, тогда любовь наполняетъ его жизнью, и онъ выходитъ изъ полотна картины, самъ близится къ любящей душѣ и ее приближаетъ къ себѣ. То сама любовь полюбила своего поклонника и сама слетаетъ къ нему воплощеннымъ облачкомъ съ лазурныхъ высотъ.

Этой послѣдней любви и служилъ Константинъ Аксаковъ, хотя онъ прошелъ сквозь очистительный пламень и первыхъ двухъ степеней. Тщетно проклиналъ онъ Петра: живые соки свѣжей мысли и жизни играли и на полусонномъ ликѣ новой петровской Россіи, и сами его живыя слова носили на себѣ печать новаго просвѣщенія. „Народъ прощаетъ тебя“, сказалъ онъ Петру. Тщетно также искалъ онъ въ прошломъ русскомъ золотого вѣка: мечта по волѣ своей носила его изъ 17-го столѣтія въ Кіевъ, изъ Кіева еще дальше въ до-варяжскую Русь, но все это были только плоскія картины, съ изображеннымъ на нихъ одинокимъ, пристрастнымъ образомъ полуфантастическаго славянина. Этотъ образъ разсѣялся, но за нимъ всталъ другой подлинный образъ Руси. Были сняты дурныя измышленныя мѣстныя перегородки, умолкли суровыя рѣчи однодума-Вадима, и на широкой расчищенной лужайкѣ закружился свободный *общинный хороводъ*. И его то, какъ извѣстно и избралъ, наконецъ, Константинъ Аксаковъ символомъ всего идеальнаго внутренняго строя русской жизни, высокимъ символомъ свободного единства многихъ въ одной любви. „Славяне Русскіе, говоритъ онъ... поняли значеніе общины, они ощущали чувство братства, чувство мира и кротости... Ихъ игра: хороводъ, кругъ — образъ братской общины“.¹⁵⁾

И, „какъ звукъ не пропадаетъ въ созвучіи, такъ не пропадаетъ и личность, подавая свой голосъ въ общественномъ хорѣ, который есть высшее явленіе человѣческой жизни,

¹⁵⁾ „О древнемъ бытѣ славянъ вообще и русскихъ въ особенности“. „Полное собраніе сочиненій К. С. Аксакова“. Т. I. М. 1861. Стр. 315.

если не вполне осуществимое, то высшее, какъ *мысль*, какъ *начало*, въ которомъ лежитъ предощеніе царства Божія¹⁶⁾

Такъ думалъ Константинъ Аксаковъ въ зрѣлые годы; но не этотъ ли идеальный строй предносился и художественному воображенію Вальтера, когда онъ боролся съ чарами любви, гдѣ гибнетъ личность одного изъ любящихъ, и не тѣмъ же ли идеальнымъ единствомъ связаны и облака въ ихъ дружномъ полетѣ?

Такова личная повѣсть одной изъ прекрасныхъ славянофильскихъ душъ, рассказанная ею въ художественной формѣ. Она останется сокрытой для широкаго круга читателей, но читатель-другъ легко усмотритъ ее подъ покровомъ поэтическихъ образовъ.

Константинъ Аксаковъ и съ нимъ его друзья славянофилы не искали власти, дѣлающей изъ живой дѣйствительности послушную рабыню отвлеченной мысли, — этотъ связанный материнскимъ проклятіемъ трупъ; не отдавали они и себя въ слѣпое рабство мечтѣ, безразсудной привязанностью къ далекому прошлому русской земли: нѣтъ, они жаждали такого отношенія, гдѣ ни мечта не убиваетъ дѣйствительность, ни дѣйствительность — мечту. Ихъ задачей было: *содѣйствовать выявленію* того, что составляетъ отъ вѣка самую *суть* славянской души. Славянофилы это только самые замѣтные пѣвцы въ нашемъ древнемъ общинномъ хорѣ.

Мы не будемъ далѣе продолжать изложеніе содержанія интересной книги: читатель просто и читатель-другъ оба найдутъ въ ней многое надъ чѣмъ можно поразмыслить. Передъ нами славянофильская колыбель, и надъ ней, какъ надъ чѣмъ-то роднымъ, долженъ съ любовью склониться всякій сынъ родины. Славянофильство не есть только ученіе: оно есть также *осознанная жизнь*, но всякая жизнь начинается съ колыбели.

О. Андреевъ.

¹⁶⁾ „О современномъ человѣкѣ“. „Русскій Архивъ“, 1903, кн. 2 я. стр. 319.